

ФРАНЦУЗСКИЙ «КАВКАЗСКИЙ ПРОЕКТ» И ЕГО СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (1939-1941 ГГ.)

А.А. Татаров

Статья посвящена исследованию французского «кавказского проекта» – планов по нанесению ударов по советской нефтяной инфраструктуре на Кавказе с целью подрыва экономической стабильности СССР и срыва сырьевых поставок в Германию. Исследование восполняет пробелы в историографии, анализируя не только содержание планов, но и их многоплановые последствия для международных отношений и военной стратегии ключевых участников Второй мировой войны. Основное внимание уделяется стратегическим последствиям проекта, включая его влияние на внешнюю политику и оборонительные меры СССР, а также пропагандистское использование Германией захваченных документов французского Генштаба. Публикация материалов в немецкой «Белой книге» (1941 г.) была направлена на разоблачение антисоветских замыслов западных держав, что спровоцировало дипломатический скандал. Действия Германии являлись частью сложной стратегии, нацеленной на стравливание СССР с Великобританией, обеспечение собственных нефтяных интересов и создание благоприятных условий для экспансии. Проведенное исследование демонстрирует, что СССР как до, так и после разоблачения планов значительно усилил оборону Кавказа, что повлияло на расстановку сил накануне Великой Отечественной войны и вынудило Москву перенаправить существенные ресурсы на южное направление в ущерб западным границам. Кроме того, Германия активно стремилась спровоцировать советское наступление в направлении Ирана и британских территорий, чтобы отвлечь СССР от европейского театра. Важным результатом стало подрыв доверия в отношениях между СССР и Турцией, оказавшейся вовлеченной в антисоветские замыслы западных держав. Это привело к временному охлаждению двусторонних отношений и усилению советских оборонительных мер на кавказской границе. Несмотря на формальное сохранение нейтралитета, Турция активизировала сближение с Германией как альтернативным союзником.

Ключевые слова: Франция, Кавказ, авиаудары, Ближний Восток, Германия.

Для цитирования: Татаров А.А. Французский «кавказский проект» и его стратегические последствия (1939-1941 гг.) // Известия СОИГСИ. 2025. Вып. 58 (97). С.75-83.
DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.007

Поступила в редколлегию: 8.09.2025 г.

19 июня 1940 г. в Ла-Шарите-сюр-Луар (к югу от Парижа) немецкие войска захватили объемный пакет секретных документов Генерального штаба Франции [1, 90]. В условиях быстрого разгрома французской армии нацистская Германия рассматривала полученные материалы не столько как источник разведывательной информации, сколько как инструмент пропаганды. Частично в 1940 г., а затем в ходе публикации германского МИД в Берлине в 1941 г. (так называемая шестая «Белая книга»), мировая общественность получила доступ к десяткам документов, компрометирующих внешнюю политику Великобритании и Франции, в том числе раскрывающих их планы по уничтожению советской нефтяной промышленности на Кавказе.

Подобная тактика информационного воздействия уже применялась Германией ранее – во время кампании по захвату Дании и Норвегии. В апреле 1940 г. был выпущен специальный пропагандистский меморандум с обращением к правительствам этих стран, в котором разоблачались цели англо-французской коалиции, стремившейся перенести военные действия на территории других государств. После захвата французских архивных материалов немецкая сторона использовала их для подкрепления своих обвинений, опубликовав ряд документов в «Белой книге» 1941 г. [2, 88–90]. Эти публикации были призваны убедить мировое сообщество в том, что Лондон и Париж намеренно затягивали

так называемую «странную войну» (или, как ее насмешливо называли немцы, «сидячую войну»), провоцируя конфликты между третьими странами и Германией.

Одной из первых отечественных работ, посвященных изучению антисоветских планов зарубежных держав в начальный период Второй мировой войны, является публикация А. Якушевского. Появление данного исследования было обусловлено обострением отношений между СССР и странами Запада. В своей работе автор акцентировал внимание на участившихся попытках зарубежных историков «бездоказательно обвинить Советский Союз в проведении “экспансионистской политики” в 1939-1941 гг.» [3, 48], что было особенно заметно на фоне разразившегося Афганского конфликта. Стремясь продемонстрировать научной общественности необоснованность подобных трактовок, Якушевский обратился к тогда еще слабо изученной теме – разработке англо-французских планов по нанесению ударов по советской нефтяной инфраструктуре Кавказа в 1939-1940 гг.

Несмотря на важность поставленной проблемы, в современной отечественной историографии она не получила достаточного развития. Особенно слабой проработкой отличается аспект, связанный с влиянием информации о раскрытии этих планов на внешнеполитические и оборонные решения СССР и других государств. В этом контексте можно выделить работу А.С. Степанова, который в числе немногих проанализировал комплекс мер, предпринятых советским руководством для укрепления южных рубежей, включая как оперативные, так и стратегические шаги [4].

В отличие от отечественной, в зарубежной историографии сложилась устойчивая традиция изучения данного сюжета [5; 6; 7]. Однако западные исследователи зачастую ограничиваются критическим анализом французских военных архивов, не уделяя должного внимания вопросам практической реализации планов, их последствиям и влиянию на дальнейший ход событий Второй мировой войны.

Цель данной статьи заключается в комплексном исследовании французского «кавказского проекта» (1939-1941 гг.) с акцентом на его стратегические последствия: влияние утечки документов на советскую внешнюю и оборонную политику, пропагандистское использование Германией захваченных материалов, роль разоблачения французских планов в контексте общего расклада сил в начале Второй мировой войны.

Прежде чем перейти к анализу внешнеполитических последствий разоблачения «кавказского проекта», кратко остановимся на его содержании и эволюции. Полный комплект соответствующих документов в настоящее время доступен на немецком языке [8]. Значительная их часть опубликована на русском языке в сборнике «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» [9]. Следует отметить, что не все архивы французского Генштаба стали немецкими трофеями. Как указывает С. Шампонуа, существует менее известный документ под названием «Российско-бакинская нефть» от 30 января 1940 г. [7, 37–39], который также заслуживает внимания исследователей.

Рассекреченные данные позволяют выявить комплекс предпосылок, подтолкнувших Францию к разработке антисоветского проекта. Еще в октябре 1938 г. начальник Генштаба генерал М.Г. Гамелен предложил премьер-министру Э. Даладье подготовить план по лишению Германии доступа к румынской нефти [10, 39]. Заключение пакта Молотова-Риббентропа в августе 1939 г., начало Второй мировой войны в сентябре и советско-финский конфликт в ноябре того же года дали импульс новым стратегическим идеям. Среди них рассматривались операции по высадке в Скандинавии для блокирования поставок шведской руды в Германию, десанты на Балканах и другие амбициозные, но оставшиеся нереализованными проекты.

Эти планы преследовали двойную цель: ослабить военное давление А. Гитлера на западном направлении и одновременно нанести удар по интересам СССР. Таким образом, французское руководство стремилось продемонстрировать общественности активные действия в условиях «странной войны», опровергая обвинения в бездействии. Наряду с идеей помощи Финляндии рассматривалась альтернатива – удар по Кавказу, экономически уязвимому региону СССР. Эта операция позволила бы лишить Советский Союз ключевых нефтяных ресурсов и одновременно прекратить их поставки в Германию.

Проект получил кодовое название «Российская нефтяная промышленность» (фр. *Russie Industrie Pétrolière, RIP*). Его ключевой особенностью стало тесное сотрудничество

с Великобританией, обладавшей более мощными бомбардировочными силами. Британская сторона обозначила планы воздушной операции на Кавказе кодовым наименованием МА6 («Пика»). Имелись географические предпосылки реализации проекта. Франция и Великобритания, бывшие союзники по Антанте, ранее разделили ближневосточный регион на сферы влияния. С 1920-х гг. Париж контролировал Левант (Сирию и Ливан), в то время как Лондон доминировал в Палестине, Иордании и Ираке, а также сохранял сильные позиции в Иране. Следовательно, западные державы могли проводить операции сравнительно близко от южных границ СССР.

В ходе разработки антисоветских планов в январе-апреле 1940 г. западные союзники пришли к выводу, что сухопутное наступление и отправка флота в Черное море уступают по реализуемости массированным авиаударам по Баку, Грозному, Батуми и другим объектам нефтяной инфраструктуры. Фактор значительной удаленности авиабаз в Ираке и Сирии от целей на Кавказе обусловил попытки вовлечения Турции в реализацию замыслов. В марте 1940 г. генерал М. Вейган, командующий французскими силами в Восточном Средиземноморье, и маршал британской авиации на Среднем Востоке У. Митчелл предприняли усилия для убеждения турецкого военного командования в необходимости сотрудничества, включая предоставление территорий для размещения аэродромов вблизи советской границы – в районе Карса, озера Ван и других стратегических пунктов [8, 57–58].

Осторожность Анкары, вызванная опасением ответного удара со стороны СССР, а также фактор времени и изменение стратегической обстановки – в мае немецкие войска начали наступление на Люксембург, Нидерланды и Бельгию, что немедленно переключило внимание Франции на оборону собственных границ – привели к отсрочке реализации «кавказского проекта» на неопределенный срок. После падения Франции британское командование неоднократно возвращалось к этой идее, в том числе из-за опасений захвата кавказских нефтяных месторождений Германией после нападения на СССР.

Для советского руководства обнаружение французских агрессивных планов не стало неожиданностью. Органы государственной безопасности СССР располагали данными о том, что 2-е (разведывательное) бюро французского Генштаба еще до заключения пакта Молотова-Риббентропа собирало информацию через антисоветских агентов в Иране [9, 332–334].

6 ноября 1939 г. в письме В.М. Молотову полномочный представитель СССР в Турции А.В. Терентьев, оценивая внешнеполитические цели Анкары, указывал на антисоветскую направленность миссии Вейгана и Уэйвелла (имеется в виду переговоры, предшествовавшие заключению англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи от 19 октября 1939 г.), а также на возможность размещения на границе с СССР 250-тысячной англо-французской группировки войск [11, 269].

Следует отметить, что вплоть до лета 1940 г. европейская пресса активно обсуждала планы «наказания» СССР путем нанесения удара по кавказско-черноморскому региону. В связи с этим трудно считать полной неожиданностью последующее разоблачение англо-французских замыслов. За положением на Кавказе следили дипломаты. Показательно, что еще в декабре 1939 г. посол Италии в СССР А. Россо информировал министра иностранных дел Г. Чиано о масштабных оборонительных работах вокруг Баку, интерпретируя их как признак серьезной озабоченности советского руководства потенциальной угрозой воздушных бомбардировок этого стратегически важного нефтяного региона [12, 448]. 20 февраля 1940 г. итальянский поверенный в делах в Москве Л. Маскиа сообщал в Рим: «Бесспорно, все спекуляции международной прессы о численности и целях армии Вейгана вызвали в Москве подозрения и тревогу. Многочисленные статьи во французской прессе, подчеркивающие уязвимость СССР в Черном море и особенно нефтеносных районов Кавказа, раскрыли советским глазам тайные замыслы союзных генштабов и спровоцировали ответное усиление вооружений и противовоздушной обороны в районах Баку, Батуми и Грозного. Ответственной за это опасное положение (пока лишь потенциальное) была объявлена Турция – отсюда атаки, предупреждения и угрозы» [12, 296]. В телеграмме, направленной в МИД Германии 26 мая 1940 г., посол В. фон дер Шуленбург также акцентировал внимание на активном усилении советской обороны на Кавказе,

интерпретируя эти меры как проявление стратегической предосторожности со стороны СССР [13, 442–443]. Данные дипломатические сообщения подтверждают, что советское руководство не только осознавало потенциальную угрозу своим нефтяным центрам, но и последовательно реализовывало комплекс оборонительных мероприятий.

Немецкая дипломатия внимательно отслеживала развитие ситуации, стремясь склонить СССР к сотрудничеству с державами «оси» и спровоцировать экспансию Москвы в направлении Персидского залива, что позволило бы нанести удар по интересам западных держав. 13 ноября 1939 г. во время беседы с В.М. Молотовым в Москве посол В. фон дер Шуленбург обратил внимание на растущую концентрацию французских войск в Сирии и британских – в Египте [14, 404]. В ходе последующей встречи 25 января 1940 г. Шуленбург предупредил, что группировка Вейгана в Сирии и англо-французская угроза Кавказу могут превратиться в «удар по жизненно важному нерву Советского Союза». Молотов, в свою очередь, дал понять, что СССР, в соответствии с пожеланиями Берлина, способствовал распространению подобных слухов, воздерживаясь от их опровержения. Советское правительство намеревалось сохранять выжидательную позицию, полагая, что слухи не имели серьезных оснований. Как отметил Молотов, пресса была полна «самых диких слухов», однако реальные события развивались менее драматично, чем предполагалось [14, 710].

Одним из мотивов подобной политической игры Берлина являлись надежды на ответные меры СССР и его военное столкновение с Великобританией на Ближнем Востоке. Ценным источником здесь выступает доклад начальника штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта А. Йодля «Политика и военные усилия на Ближнем Востоке» (6 января 1940 г.). В этом документе детально рассматривались желательные для Германии сценарии военных действий Советского Союза, включая превентивные меры по нейтрализации англо-французской угрозы кавказскому нефтяному региону. С учетом того, что операция против Индии исключалась в связи с дальним расстоянием и условиями местности, Йодль видел возможность советского наступления на юг через Закавказье. Выделялись три перспективные цели в интересах Германии:

- 1) удар Советского Союза по Мосулу, Багдаду и Басру в Ираке и перекрытие британских коммуникаций с Индией;
- 2) установление советского контроля над нефтяными месторождениями в районе Мосула;
- 3) возвращение СССР территорий к югу от Батуми, уступленных Турции по Карсскому миру 1921 г.

Вместе с тем в докладе отмечалось, что на пути реализации этих целей СССР мог столкнуться с нехваткой маршрутов и обеспечения войск, а также с сопротивлением армий Турции и Ирана и англо-французских сил в Сирии и Ираке [13, 632–633].

В ходе беседы с О. фон Нидермайером, ветераном Первой мировой войны и признанным экспертом по Ближнему Востоку, 10 сентября 1940 г. советник полпредства СССР в Германии А.З. Кобулов сделал следующий вывод: «Несколько раз во время беседы Нидермайер говорил о том, что Баку, где сосредоточено 75% всей продукции нефти, является наиболее слабым и уязвимым местом СССР. Десятка бомб достаточно для уничтожения Баку. Англичане, по его мнению, должны были бы начать эту войну с бомбардировки Баку, ибо тем самым нанесли бы Германии и СССР существенный ущерб. Нидермайер высказал мнение о необходимости провести мероприятия по защите Баку путем изменения границы, т.е. захвата Ирана Советским Союзом» [15, 588–589].

Провокации Берлина были частью сложной многоплановой стратегии, направленной на обеспечение благоприятных условий для собственной экспансии путем ослабления и взаимного сдерживания своих реальных и потенциальных противников. Стратегические расчеты определялись рядом ключевых факторов: ослабление всех потенциальных противников, защита нефтяных интересов, создание «санитарного кордона» на Кавказе, отвлечение внимания СССР от Европы, проверка обороноспособности СССР.

Уже 3 июля 1940 г., спустя всего две недели после полного разгрома Франции, германское информационное бюро опубликовало пять трофейных документов, раскрывающих подготовку французских планов нападения на СССР. В отличие от общественно-

сти, для советского правительства эта информация не стала неожиданностью. Однако требовалась официальная реакция прессы. В выпуске газеты «Правда» от 5 июля 1940 г. теме рассекреченных документов было посвящено четыре из шести полос. В статье «Документы, разоблачающие англо-французских организаторов войны» утверждалось, что в странах, прилегающих к советской границе, включая Иран и Турцию, «усиленно готовили англо-французские правящие круги базы, очаги нападения на Советский Союз». Генерал М.Г. Гамелен представлялся как один из архитекторов идеи создания «новых фронтов», которые должны были втянуть Иран, несмотря на его пакт о нейтралитете с СССР, в сухопутные операции на Кавказе. Также упоминалась беседа посла Франции в Анкаре Р. Масильи с главой турецкого МИД Ш. Сараджоглу в марте 1940 г., в ходе которой последний намекнул на отсутствие серьезных препятствий для реализации планов против Кавказа [16, 1]. Этот эпизод подтверждается документом № 26 «Посол Франции в Анкаре Масильи в Министерство иностранных дел Франции» от 14 марта 1940 г., опубликованным в германской шестой «Белой книге» 1941 г. [8, 60].

В статье «Документы германской шестой «Белой книги»» газеты «Правда» описывалась подготовительная работа генералов М.Г. Гамелена и М. Вейгана – переговоры с британцами и турками, осмотр аэродрома в сирийской Джебзире, планирование воздушных действий против Баку и Батуми и морских операций в Черном море [17, 2].

В 1941 г. выходит полная версия шестой «Белой книги». В публикации полного пакета документов в издании германского МИД имелся собственный комментарий: Франция планировала создать единый фронт от Северного Ледовитого океана до Кавказа, «создать новые обширные «фронты на истощение», где немецкие силы будут распыляться и постепенно перемалываться». Расчет состоял в том, чтобы стратегическое кольцо усилило блокаду Германии и довершило ее «экономическое удушение» [8, 12].

При помощи обнародования секретных материалов Берлин рассчитывал внести глубокий раскол в отношениях между СССР, Великобританией и остатками французского влияния. После разгрома Франции ее население, включая колониальные администрации, разделилось на два враждебных лагеря: пронемецкий режим Виши и движение «Свободная Франция», сохранившее антигитлеровскую ориентацию. Кроме того, Германия стремилась осложнить позиции Турции и Ирана, которые рассматривались западными державами как потенциальные плацдармы для нападения на СССР. Публикация документов должна была продемонстрировать этим странам экспансионистские замыслы Лондона и Парижа, подорвать их доверие к западным союзникам и тем самым нейтрализовать угрозу с юга для Германии в ее предстоящей войне против Советского Союза.

Советское руководство приняло ряд превентивных мер по укреплению обороны Кавказа с юга. С одной стороны, разведка внимательно следила за перемещениями англо-французских сил. В результате, к августу 1940 г. по числу авиационных дивизий Закавказский военный округ (ЗакВО) занимал одно из ведущих мест в РККА. По этому показателю он уступал только Киевскому Особому и Ленинградскому военным округам, имевшим в своем составе по 8 авиадивизий, и делил вторую позицию с другим округом, имея 7 авиационных соединений. При этом ЗакВО обладал уникальной концентрацией ударной мощи – на его долю приходилось три из десяти бомбардировочных авиадивизий, имевшихся в составе Военно-воздушных сил РККА. Это делало его лидером среди всех военных округов СССР по удельному весу и количеству бомбардировочной авиации, что свидетельствовало о его особой стратегической роли на южном направлении [4, 40].

Германская стратегия после поражения Франции, несомненно, усложнила для СССР проблему распределения оборонительных ресурсов между западным и южным направлениями. Возросшая настороженность Москвы нашла отражение в дальнейшем наращивании группировки войск на Кавказе. К июню 1941 г. ЗакВО располагал семью полками зенитной артиллерии, сведенными в 3-й корпус ПВО, а также отдельным зенитным батальоном, что в общей сложности составляло не менее 15 зенитных батальонов (по два и более батальона на полк). Для сравнения: за исключением Московского военного округа, имевшего шесть полков ПВО, ни один другой округ не располагал более чем тремя зенитными батальонами. Фактически, силы противовоздушной обороны, развернутые в Закавказье, были сопоставимы по мощи с силами всего Северного фронта. ЗакВО так-

же выделялся значительной концентрацией тяжелой артиллерии, превосходя по этому показателю большинство других военных округов. Примечательно, что из четырех округов, имевших в своем составе механизированный корпус (включавший несколько танковых дивизий), ЗакВО был наименьшим по территории, при этом большинство танковых дивизий в других округах находились в непосредственном подчинении армейских или фронтовых командований [18, 225].

Примечательно, что как в оккупированной Франции, так и в коллаборационистском вишистском режиме целенаправленно поощрялось негативное восприятие кавказских планов бывшего генштаба. В 1941 г. в книге, основанной на рассекреченных немецких документах, французский автор П. Аллард задавался риторическим вопросом: «Бомбить Россию, с которой мы не находились в состоянии войны?» [10, 38]. Подводя итоги, он констатировал провал пустых разговоров и планов. Этот критический взгляд отражал стремление дискредитировать Третью республику и ее военное руководство, представляя их политику как авантюристическую и непродуманную, что соответствовало интересам как немецких оккупационных властей, так и режима Виши.

Публикация секретных документов серьезно дискредитировала позицию Турции, чью территорию планировалось использовать для реализации антисоветской операции. Это непосредственно способствовало сближению турецких политических и экономических интересов с немецкими. Возросшие риски потенциального вступления Турции в анти-советскую коалицию вынудили СССР выделить дополнительные ресурсы на укрепление обороны южного Кавказа.

Турецкая сторона, столкнувшись с резкой критикой в публикациях газеты «Правда» (5 июля 1940 г.), предприняла шаги для выхода из дипломатически неудобной ситуации. Посол Турции в Москве А. Актай во время беседы с заместителем наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовским (9 июля 1940 г.) утверждал, что критика советской прессы необоснованна. По его словам, именно твердая позиция Анкары, отказавшейся поддержать инициативы Франции и Великобритании, предотвратила реализацию планов удара по Кавказу [15, 432].

С другой стороны, Германия активно использовала трофейные документы французского Генштаба для укрепления дипломатических позиций в отношениях с СССР и одновременного раскола в его отношениях с Великобританией. Й. фон Риббентроп в письме И. Сталину от 13 октября 1940 г. подчеркивал, что раскрытые антисоветские планы Лондона демонстрировали реальную угрозу нефтяной промышленности Кавказа в 1940 г., которую удалось нейтрализовать благодаря немецким военным успехам, разгрому Франции и вытеснению британских сил с континента. Однако уже в сентябре 1940 г. оперативный отдел Верховного командования вермахта включил Кавказ в перечень стратегически уязвимых зон СССР. Обоснование было сформулировано лаконично и практически дословно повторяло французские оценки: «ненадежное население, Турция, необходимость удержания нефтеносной области» [19, 232]. Провокационное стравливание СССР и Великобритании через кавказский вопрос служило для Германии инструментом обеспечения стратегических интересов, включая гарантии поставок советской нефти, которые согласно договоренностям февраля 1940 г. составляли 900 тысяч тонн в год [20, 132].

Разоблачение «кавказского проекта» – трофейных документов Генштаба Франции после ее разгрома летом 1940 г. – спровоцировало серьезный дипломатический скандал, который существенно подорвал доверие между СССР и западными державами. Германия, искусно используя трофейные документы в пропагандистских целях, стремилась стравить СССР с Великобританией, рассчитывая ослабить обе державы. Угроза реализации проекта вынудила СССР перенаправить значительные военные ресурсы на южное направление, что ослабило западные границы. Военное командование, заблаговременно осведомленное о планах, предприняло масштабные меры по укреплению обороны Кавказа, создав там мощную группировку войск и сил ПВО.

Публикация немцами секретных документов дискредитировало не только Францию и Великобританию, но и страны, чьи территории планировалось использовать для удара. Турция, оказавшаяся вовлеченной в планы западных держав, столкнулась с резким ох-

лаждением отношений с СССР. Несмотря на формальное сохранение нейтралитета, Анкара начала активное сближение с Германией как альтернативным союзником.

Данный проект наглядно показал, что нефтяная инфраструктура Кавказа являлась ключевым объектом геополитических интересов различных великих держав, а также подтвердил необходимость для СССР проведения многовекторной политики как на западном, так и на южном направлениях. Этот исторический эпизод продемонстрировал, как пропаганда и дезинформация стали полноценными инструментами ведения войны в 1939–1941 гг., оказывая значительное влияние на расстановку сил.

1. *Krecker L.* Deutschland und die Türkei im zweiten Weltkrieg. Frankfurt am Main: Klostermann, 1964. 293 p.

2. *Baerentzen L.* A Rarely Used Source for the “Phoney War”, The Secret French Documents Found by German Soldiers At La Charité-Sur-Loire on June 19th, 1940 // *Romanian Intelligence Studies Review*. 2022. No. 27. P. 88–107.

3. Якушевский А. Агрессивные планы и действия западных держав против СССР в 1939–1941 гг. // *Военно-исторический журнал*. 1981. № 8. С. 47–57.

4. Степанов А.С. Военные мероприятия СССР в ответ на англо-французскую угрозу нанесения воздушных ударов по Кавказу (1939–1940 гг.) // *Вестник Владикавказского научного центра РАН*. 2024. Т. 24. № 3. С. 38–44.

5. *Richardson C.* French Plans for Allied Attacks on the Caucasus Oil Fields, 1940 // *French Historical Studies*. 1973. Vol. 8. No. 1. P. 130–156.

6. *Millman B.* Toward War with Russia: British Naval and Air Planning for Conflict in the Near East, 1939–40 // *Journal of Contemporary History*. 1994. Vol. 29. No. 2. P. 261–283.

7. *Champonnois S.* Les projets franco-britanniques de bombardement aérien de l'industrie pétrolière soviétique du Caucase (1939–1940) // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2018. N° 1 (269). P. 33–55.

8. Die Geheimakten des französischen Generalstabes Deutschland 1939/41. Sechstes Weißbuch der Deutschen Regierung. Berlin: Auswärtiges Amt, 1941. 399 S.

9. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов: в 5 т. Т. 1. Кн. 1. Ноябрь 1938 – декабрь 1940 / Сост. В.П. Ямпольский и др. М.: Книга и бизнес, 1995. 452 с.

10. *Allard P.* Les plans secrets du G.Q.G. pendant la guerre: d'après des documents inédits. Paris: Les Editions de France, 1941. 82 p.

11. Документы внешней политики. Т. XXII. 1939. В 2 кн. Кн. 2: Сентябрь–декабрь. М.: Международные отношения, 1992. 688 с.

12. I Documenti Diplomatici Italiani. Ser. IX: 1939–1943. Vol. II. 25 ottobre – 31 dicembre 1939. Roma: Libreria dello Stato, 1957. 703 p.

13. Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. Series D, (1937–1945). Vol. 9. The War Years, March 18 – June 22, 1940. London: H.M.S.O., 1956. 729 p.

14. Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. Series D, (1937–1945). Vol. 8. The War Years, September 4, 1939 – March 18. Washington, D.C.: U.S.G.P.O., 1954. 974 p.

15. Документы внешней политики. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941 г. В 2 кн. Кн. 1: 1 января–31 октября 1940 г. М.: Международные отношения, 1995. 752 с.

16. Документы, разоблачающие англо-французских организаторов войны // *Правда*. 1940. 5 июля. № 185 (8231). С. 1.

17. Документы германской шестой «Белой книги» // *Правда*. 1940. 5 июля. № 185 (8231). С. 2.

18. *Osborn P.R.* Operation Pike: Britain Versus the Soviet Union, 1939–1941. London: Greenwood Press, 2000. 274 p.

19. 1941 год: в 2 книгах. Кн. 1 / Под ред. В.П. Наумова. М.: Демократия, 1998. 832 с.

20. *Nazi-Soviet Relations, 1939–1941: Documents from the Archives of the German Foreign Office* / Ed. by R.J. Sontag & J.S. Beddie. Washington, D.C.: Department of State, 1948. 362 p.

Tatarov, Azamat A. – Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia); traveller9090@mail.ru

THE FRENCH “CAUCASUS PROJECT” AND ITS STRATEGIC CONSEQUENCES (1939-1941).

Keywords: France, Caucasus, airstrikes, Middle East, Germany.

The article examines the French “Caucasian project” plans to strike Soviet oil infrastructure in the Caucasus to undermine the USSR’s economic stability and disrupt raw material supplies to Germany. This study addresses gaps in historiography by analyzing both the content of the plans and their multifaceted consequences for international relations and military strategies of key WWII participants. The focus is on strategic implications of the project, including its impact on Soviet foreign policy and defensive measures, as well as Germany’s propagandistic use of captured French General Staff documents. Publication of these materials in German “White Book” (1941) aimed to expose Western powers’ anti-Soviet intentions, triggering a diplomatic scandal. Germany’s actions were part of a broader strategy to pit the USSR against Britain, secure its own oil interests, and create favorable conditions for expansion. The study demonstrates that the USSR significantly strengthened Caucasus defenses, affecting the balance of forces on the eve of the Great Patriotic War and redirecting substantial resources to the southern direction at the expense of its western borders. Additionally, Germany actively sought to provoke a Soviet advance toward Iran and British territories to divert USSR attention from the European theater. An important outcome was erosion of trust between the USSR and Turkey, which was implicated in the Western powers’ anti-Soviet designs. This led to a temporary cooling of bilateral relations and heightened Soviet defensive measures along the Caucasian border. Despite formally maintaining neutrality, Turkey intensified its rapprochement with Germany as an alternative ally.

For citation: Tatarov, A.A. The French “Caucasus project” and its strategic consequences (1939-1941) // Izvestiya SOIGSI. 2025. Iss. 58 (97). Pp.75-83. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.007

References

1. Krecker, L. Deutschland und die Türkei im zweiten Weltkrieg. Frankfurt am Main, Klostermann, 1964. 293 p.
2. Baerentzen L. A Rarely Used Source for the “Phoney War”, The Secret French Documents Found by German Soldiers At La Charité-Sur-Loire on June 19th, 1940. Romanian Intelligence Studies Review. 2022, no. 27, pp. 88–107.
3. Yakushevsky, A. Agressivnye plany i deistviya zapadnykh derzhav protiv SSSR v 1939–1941 gg. [Aggressive Plans and Actions of the Western Powers against the USSR in 1939–1941]. Voenno-istoricheskii zhurnal [Military History Journal]. 1981, no. 8, pp. 47–57.
4. Stepanov, A.S. Voennye meropriyatiya SSSR v otvet na anglo-frantsuzskuyu ugrozu naneseniya vozdukhnykh udarov po Kavkazu (1939-1940 gg.) [Military Measures of the USSR in Response to the Anglo-French Threat of Air Strikes on the Caucasus (1939–1940)]. Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2024, vol. 24, no. 3, pp. 38–44.
5. Richardson, C. French Plans for Allied Attacks on the Caucasus Oil Fields, 1940. French Historical Studies. 1973, vol. 8, no. 1, pp. 130–156.
6. Millman, B. Toward War with Russia: British Naval and Air Planning for Conflict in the Near East, 1939-40. Journal of Contemporary History. 1994, vol. 29, no. 2, pp. 261–283.
7. Champonnois, S. Les projets franco-britanniques de bombardement aérien de l’industrie pétrolière soviétique du Caucase (1939-1940). Guerres mondiales et conflits contemporains. 2018, no. 1 (269), pp. 33–55.
8. Die Geheimakten des französischen Generalstabes Deutschland 1939/41. Sechstes Weißbuch der Deutschen Regierung. Berlin, Auswärtiges Amt, 1941. 399 S.
9. Yampolsky, V.P. (ed.). Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine. Sbornik dokumentov: v 5 t. T. 1. Kn. 1. Noyabr’ 1938 – dekabr’ 1940 [State Security Organs

of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of documents: In 5 vols. Vol. 1, book 1, November 1938 – December 1940]. Moscow, Kniga i biznes, 1995. 452 p.

10. Allard, P. Les plans secrets du G.Q.G. pendant la guerre: d'après des documents inédits. Paris, Les Editions de France, 1941. 82 p.

11. *Dokumenty vneshnei politiki. T. XXII. 1939. V 2 kn. Kn. 2: Sentyabr'-dekabr'* [Foreign Policy Documents. Vol. XXII. 1939. In 2 books. Book. 2: September-December]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1992. 688 p.

12. I Documenti Diplomatici Italiani. Ser. IX: 1939-1943. Vol. II. 25 ottobre – 31 dicembre 1939. Roma, Libreria dello Stato, 1957. 703 p.

13. Documents on German Foreign Policy. 1918-1945. Series D, (1937-1945). Vol. 9. The War Years, March 18 – June 22, 1940. London, H.M.S.O., 1956. 729 p.

14. Documents on German Foreign Policy. 1918-1945. Series D, (1937-1945). Vol. 8. The War Years, September 4, 1939 – March 18. Washington, D.C., U.S.G.P.O., 1954. 974 p.

15. *Dokumenty vneshnei politiki. T. XXIII. 1940 – 22 iyunya 1941 g. V 2 kn. Kn. 1: 1 yanvarya-31 oktyabrya 1940 g.* [Foreign Policy Documents. Vol. XXIII. 1940 – 22 June 1941. In 2 Books. Book. 1: 1 January – 31 October 1940]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. 752 p.

16. *Dokumenty, razoblayayushchie anglo-frantsuzskikh organizatorov voiny* [Documents Exposing the Anglo-French Organizers of the War]. *Pravda* [Pravda]. July 5, 1940, no. 185 (8231), p. 1.

17. *Dokumenty germanskoi shestoi "Beloi knigi"* [Documents of the German Sixth "White Book"]. *Pravda* [Pravda]. July 5, 1940, no. 185 (8231), p. 2.

18. Osborn, P.R. Operation Pike: Britain Versus the Soviet Union, 1939-1941. London, Greenwood Press, 2000. 274 p.

19. Naumova, V.P. (ed.) *1941 god: v 2 kn.* [The Year 1941: In 2 books]. Moscow, Demokratiya, 1998, book 1. 832 p.

20. Sontag, R.J., Beddie, J.S. (eds.). Nazi-Soviet Relations, 1939-1941: Documents from the Archives of the German Foreign Office. Washington, D.C., Department of State, 1948. 362 p.